

Артур Соломонов

Как мы хоронили Иосифа Виссарионовича

Пьеса о гибкости и бессмертии

Действующие лица:

Вольдемар Аркадьевич, режиссёр спектакля, он же исполнитель роли старого Сталина.

Сергей Карякин, исполнитель роли Владимира Ленина.

Анна Крылатая, ближайшая помощница Вольдемара Аркадьевича, исполняет роль медсестры старого Сталина Валентины и матери молодого Сталина.

Терентий Грибс, автор пьесы и исполнитель роли врача товарища Сталина.

Гия Ркацители, исполнитель ролей Берии и первого охранника товарища Сталина.

Алексей Балабанов, исполнитель ролей Хрущёва и второго охранника товарища Сталина.

Человек из министерства, который вынужденно исполняет роль врача товарища Сталина.

Владимир Кудрявцев, исполнитель роли молодого Сталина.

Члены Политбюро, журналисты.

Министр культуры в виде двух телеграмм.

Президент в виде кашля над сценой.

Начинается прогон для СМИ спектакля об Иосифе Сталине.

В ролях первого и второго охранников — Гия Ркацители и Алексей Балабанов.

Сцена первая. Ночные стражники

Ближняя дача Сталина в Кунцево.

Первый. Быть того не может.

Второй. Я тебе клянусь.

Первый. Не может!

Второй. Клянусь! Он сам рассказал.

Первый. Тебе?

Второй. Холодно, как в январе. Почему так холодно? Мне кажется, холодно оттуда. *(Показывает на дом.)*

Первый. Тебе в последние дни так много всего кажется, что тебя пора пристрелить.

Второй *(вдруг говорит прерывисто и взволнованно)*. Ты ведь знаешь, как он не любит, когда к нему внезапно приближаются? Потому я к нему вчера шёл, гремя и топоча ногами, как слон, как стадо слонов...

Первый. Ты рехнулся, чёртов идиот! Ты все-таки рехнулся!

Второй. ...Как стадо слонов, чтобы он заранее знал, что я подхожу, чтобы издали слышал, чтобы не кричал на меня, как тогда...

Первый. Когда ты от страха обмочился? Как он потом хохотал! Только он мог хохотать, глядя на тебя. Другой бы расстрелял на месте такого охранника.

Второй. Какой другой?

Первый. Я для примера. Конечно, никакого другого...

Второй. Для какого примера? Зачем нам этот пример?

Первый. Я ничего такого — не говорил. Клеветать? На охранника товарища Сталина?

Второй. Я-то, может, и обмочился...

Первый. Может?!

Второй. А знаешь, почему? Не потому что он закричал, не потому! Когда я внезапно подошёл к нему, он поднялся над столом на несколько метров, и молча, тихо, нежно поплыл на меня...

Первый. Что ты несёшь! Провокатор!

Пауза.

Первый. Ну, как жена, дети?

Второй. По-прежнему. Жена днём на работе, вечером при мне. И при детях. Наташка как на уроки труда начала ходить, с тех пор мечту не предавала: поварихой, говорит, буду во взрослом возрасте. А Петя этнографом хочет стать.

Первый. Что за ребёнок, который хочет стать этнографом? Ты сам хоть знаешь, что это такое?

Второй. Петя объяснил. Я его ремешком, вот этим, со звездой, отоварил, он утих. А сейчас опять — этнограф, говорит, я, исследователь. Народы дальние меня беспокоят. Люблю их, и все тут. Я опять свой звёздный ремешок достал, но он вытерпел. Не хныкал даже. И раны пятиконечные — пальцем не тронул. Герой, что ли, растёт... Я его потом подорожником лечил...

Первый. Ты его к врачам водил?

Второй. К каким врачам?! Товарищ Сталин врачам не доверяет, и я врачам не доверяю. Он приказал сжечь истории своих болезней, и я сжёг истории своих болезней, и истории детей сжёг, хотя они совсем короткие были, абзаца на три. А своего личного врача, Виноградова, товарищ Сталин приказал арестовать...

Первый. Он будет мне рассказывать!

Второй. И ещё требовал: «Обязательно закуйте его в кандалы! Сразу, в кабинете — в кандалы!»

Первый. Да я это сам тебе рассказывал!

Второй. Вот именно. И сам теперь говоришь — покажи сына врачам. Они все в кандалах. Я таким не доверяю.

Пауза. Вдруг второй снова взволнованно начинает говорить.

Второй. А эта фраза: «Охраняй и властвуй»? Зачем он мне её сказал? В тот четверг, когда ты опоздал на поверку...

Первый. В тот четверг ты опоздал на поверку! Ты! Как тебя терпят, терпят-то — как?

Второй. Он подозвал меня. Я пошёл, опять громко топоча, как слоновье стадо. Но он же сам меня звал, потому вот так рукой сделал — мол, потише шагай. И потому я подошёл к нему бестопотно.

Первый. Бестопотно? Вот ты урод.

Второй. А на столе лежит бумага, тооооненький листик лежит, и он мне на него показывает, а там его рукой написано: «В итоге победу одерживает только смерть».

Первый. Да-да. Я помню, я тоже видел. Случайно.

Второй. Так почему удивляешься, что он вчера мне сказал, что видел Ленина?

Первый. Потому что... Сам понимаешь, почему!

Второй. Потому что если товарищ Сталин...

Первый. Видит призраков...

Второй. Разве товарищ Ленин — призрак?

Первый. Нет, ты все-таки рехнулся, чёртов идиот! Не живой же Ленин приходил?!

Второй. Значит — призрак?

Первый (*почти плачет*). Чёрт бы тебя побрал!

Второй. Значит, по-твоему, товарищ Сталин лжёт?

Первый. Это ты сказал. И я этого не слышал.

Пауза.

Первый. Мы же видели Ленина в Мавзолее. Мы вместе ходили.

Он лежит. Потому что мёртвые не могут встать.

Второй. Он же не под землёй лежит. И у него... у него всё есть — руки, ноги, всё...

Первый. Мёртвые не могут встать и пойти! Понял?!

Второй. А ради товарища Сталина? А если лично к нему? Если?..

Пауза.

Первый. Ну? И что Ленин?

Второй. Товарищ Сталин сказал, что призрак Ленина жутко материлился. А потом говорит: «Коба, я тебе оставил великое государство, а ты его просрал».

Первый. Всё! Сейчас пристрелю!

Второй (*в полусумасшедшем восторге*). А товарищ Сталин говорит: «Как просрал? Границы крепки, страна огромна, люди послушны, амбары полны, здания упираются в небо, а все души — веруют в тебя-Отца, в меня-Сына, и в пролетарский рай, куда устремлены сотни счастливых миллионов».

Первый. Ну?

Второй. Что ну?

Первый. А Ленин что?

Второй. Ты, говорит, как и я, скоро превратишься в труп. А значит — ты все просрал, все, что я тебе оставил. Потому что когда властелин превращается в кусок холодного мяса, двуногий, двурукий, одноголовый кусок мяса — какой же это властелин?

Первый (*направляет ружье на Второго*). Ты готов? Сейчас превратишься в кусок мяса, и все скажут — какой же это охранник?

Второй. Да тебя на месте расстреляют за то, что убил охранника товарища Сталина. Стой да слушай.

Первый. Я больше не могу.

Второй. Тсс!

К ним приближается Иосиф Сталин. Под гримом угадывается режиссёр Вольдемар Аркадьевич. Не обращая на них внимания, Сталин декламирует стихи:

Иосиф Сталин. Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращённые в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,

Пей, осуши до дна...

И песня твоя чужда нам,

И правда твоя не нужна!»

Уходит.

Второй. Пристрели меня. Очень жутко мне.

Первый. Держи карман шире. Мне что, одному тут оставаться?

Второй. Пойдёшь к внешней охране. Пригреют.

Пауза.

Первый. Это же его стихи?

Второй. Да, он писал в детском возрасте... Ты что... Не учил в школе? Что за школа была?

Слышен глухой стук.

Первый. Он упал?

Второй. Что-то упало.

Первый. Иди. Иди проверь.

Снова глухой стук.

Первый. Он ведь не может упасть дважды? Если уже упал?

Второй. А если на него напал товарищ... Ленин...

Первый. Заткнись, гнида, троцкист, взбесившийся пёс, гидра...

Второй. Врача? Виноградова? Из тюрьмы?

Первый. Чёртов идиот!

Второй. Тогда Валю! Надо разбудить Валю! Если ложная тревога, ей он голову не снесёт, её он пощадит...

Идут за Валею быстрым шагом и, заражаясь друг от друга ужасом, убегают.

Сцена вторая. «Полуфабрикат-с»

Через несколько секунд охранники возвращаются вместе с режиссёром Вольдемаром Аркадьевичем, который играл Сталина. Раздаются аплодисменты, сверкают фотовспышки. Режиссёр отдаёт одному из охранников-актёров трубку, тот бережно её принимает, другому отдаёт китель генералиссимуса и остаётся в чёрной водолазке и белых брюках. Подходит к микрофону.

Сталин. Мы представили журналистам и избранным гостям первую сцену из будущего спектакля об Иосифе Сталине. Театр понимает, в какую раскалённую общественную обстановку он внедряется с этим спектаклем. Казалось бы, не лучше ли просто обойти эту тему и не нарываться на огонь со всех сторон, ведь недовольными окажутся и сталинисты, и антисталинисты, и консерваторы, и либералы... Но мы принимаем вызов Истории. Понимая... Но лучше я дам слово автору, Терентию Грибсу. Его дело формулировать, а наше — играть.

Из глубин сцены возникает Терентий.

Терентий. Я согласен с Вольдемаром Аркадьевичем: недовольными окажутся все, и мы к этому готовы. Ведь сейчас толком ни-

кто не понимает, во что мы верим и куда идём, и поэтому неприкосновенным объявляется всё: и прошлое советское, и прошлое имперское, и царь, и цареубийцы, и церковь, и те, кто сносил храмы. Впрочем, это только кажущийся парадокс, и он легко объясним: власть должна быть права в любых своих решениях и проявлениях, а потому она верно поступала и в 1905-м, и в 1917-м, и в 1937-м, да во все годы... Нашу страну сотрясает много кризисов, но главный я бы определил как «кризис перепроизводства святынь». Одной из таких святынь, увы, оказался Иосиф Сталин...

В зале шум, на сцену выходит Человек из министерства культуры.

Человек из министерства. Министр сожалеет, что не смог прийти на представление. Но он прислал приветственную телеграмму. *(Достает из портфеля, зачитывает.)* «Спасибо театру за то, что он прикладывает к нашей исторической травме подорожник правды». *(Аплодисменты.)* И, как водится, медаль. *(Под овации режиссёр устало подставляет грудь, человек из министерства прикрепляет медаль и сходит со сцены.)*

Сталин. Я благодарен поддержке министра. Самое главное сейчас — выпускать произведения искусства, чуждые придыханию и священному трепету. Этого и так предостаточно и в нашем искусстве, и в нашей жизни. Я рад, что министр вместе с нами верит в очистительную силу смеха. Конечно, наш смех будет глубок

и точен. Он будет горек. Это не смех комиксов. Это смех трагифарса, и он нам поможет начать освобождаться от тени, которая нависает над страной почти столетие. Начать выздоровление. Начать освобождение. Я не люблю пафоса. Но я бы хотел, чтобы наш спектакль стал началом грандиозных похорон сталинизма. *На сцену опять врывается Человек из министерства. Он взволнован.*

Сталин. Что, снова орден? По-моему, на сегодня хватит.

Человек из министерства. Потрясающая новость! Министр позвонил! Он рассказал президенту, что вы сейчас показываете публике отрывки... Президент посетовал: какая жалость, что меня не пригласили...

Сталин. Мы... Мы не надеялись... Даже не предполагали...

Человек из министерства. Президент все понимает! Он так и сказал: «Понимаю, что меня не позвали из скромности, вряд ли Вольдемар Аркадьевич намеревался меня проигнорировать».

Сталин (*аккуратно усмехается*). На сцене императорского театра игнорировать императора? На премьеру, в царскую ложу, конечно...

Человек из министерства. Он хочет посмотреть сейчас!

Сталин. В каком смысле?

Человек из министерства. Сейчас президент обедает в компании министра культуры. Президент знает, что вы уже показали начало, и он был бы рад, если бы вы изыскали возможность пока-

зять ему продолжение. Пока идёт обед. Минут на тридцать всего, или даже меньше. Когда обед закончится, мы дадим сигнал.

Сталин. А как он увидит...

Человек из министерства. Об этом не беспокойтесь. Трансляция уже пять минут как идёт. Президент сказал: любопытно глянуть, как там моего предшественника показать собираются.

Сталин (*поднимая голову вверх*). Приятного аппетита, господин президент!

Человек из министерства. Ответить не может, но слышит и видит.

Сталин. А про предшественника... (*Осторожно смеясь, обращается в зал.*) Юмор у нашего президента непревзойдённый.

Человек из министерства (*показывает на часы*). Обед в разгаре, приступайте.

Сталин. Польщены вниманием, но это ведь ещё не готовый продукт, так сказать, полуфабрикат-с. Мы бы хотели...

Человек из министерства. Ушам не верю. Вы что, отказываете президенту? Вольдемар Аркадьевич. Такое внимание. Мне неловко даже второй раз...

Сталин. Почему отказываю? Слово то какое нашли! Я просто хотел в наше оправдание...

Человек из министерства. Он всё, всё понимает. Он любит театр, и знает, чем репетиция отличается от премьеры.

Сталин. У нас для следующей сцены не хватает актёров. Двух!

Человек из министерства. Испытываете терпение президента?

Сталин. Что мне — гримёров, что ли, просить играть? Монтировщиков?

Человек из министерства (*у него звонит телефон. Он отвечает со страхом и благоговением*). Первое блюдо подали. Вольдемар Аркадьевич, вы поняли нас? Подали. Первое. Блюдо.

Сталин. Понял!.. (*Обращается к Терентию*). Текст ты знаешь. Назначаю тебя врачом товарища Сталина.

Терентий. Но я же...

Сталин. Терентий. Ты понял нас?

Терентий. Да.

Сталин. Но второго врача... Кто сыграет второго врача?

Снова звонит телефон.

Человек из министерства (*после паузы, шёпотом*). Господин президент. Да... О, да... Да-да... Как же я спасу ситуацию... (*С ужасом.*) Второе скоро подадут?! Я находчив, да... И предприимчив... Всё равно не понимаю... Как сам сыграть? Я не... Очень даже актёр? Я?

Сталин. Слушайте президента.

Человек из министерства (*в трубку*). Так точно. (*Убирает телефон в карман.*) Художественная ситуация такова...

Сталин. Мы поняли, какова. (*Протягивает ему лист с ролью.*) Слов мало. Ваша задача: трепетать. Справитесь, я уверен... Господин президент, строго не судите. (*Удаляется.*)

Сцена третья. Пульс товарища Сталина

Кремлёвская свита и Валентина (подруга и медсестра отца народов), собрались вокруг лежащего на диване Сталина, который бездвижно смотрит в одну точку.

Хрущёв (*шёпотом*). Куда он смотрит?

Берия. Что он видит?

Хрущёв. На что он указывает?

Сморят туда же, вверх и налево.

Берия. Ты что-то видишь?

Хрущёв. Ничего.

Берия. И я ничего. А он - видит! И так было всегда!

Берия и Хрущёв бросаются на колени и ползут к руке Сталина, но Берия опережает, и начинает неистово целовать Сталину руку.

Входят два врача. Это трепещущие Терентий и Человек из министерства. Их приход ничего не меняет в поведении Берии.

Первый врач. Нам нужно переодеть то... то... то...

Второй врач. ...варища Сталина.

Первый врач. И снова осмотреть его необхо... хо... хо...

Второй врач. ...димо.

Хрущёв (*глядя на почти впавшего в беспамятство Берию*). Я полагаю, достаточно ограничиться товарищеским рукопожатием.

Хрущёв подходит к другой руке вождя и с преданностью, с глубоким вздохом пожимает её. В свите происходит раскол: одна часть подходит к руке за целованием, другая выстраивается для рукопожатий. Незадействованной в противоречивом ритуале остаётся только Валя — она всхлипывает в углу.

Хрущёв (врачам). Какая у него влажная ладонь! Что это значит?

Первый врач. У ладонного потоотделения есть несколько причин... Причина первая...

Второй врач. Сначала нам нужно переодеть и осмотреть. Мы же впервые тут! *(Первому врачу, тихо.)* Говорить буду только я, ты не начинай даже, я приказываю, я умоляю...

Хрущёв (Берии, который, слегка опьянев от поцелуев, отошёл наконец от сталинской руки). Думаешь, ему это понравилось?

Берия. Я не мог иначе.

Валя. Он знал, он все знал. Он мне вчера говорит: «Видишь, Валентина, как заходит солнце? Ранней весной в Москве так редко можно увидеть солнце». *(Свита недоуменно переглядывается.)*

Ах, вы не понимаете! *(Продолжает всхлипывать.)*

Первый врач. Можно, мы посчитаем пульс?

Первый врач подходит к Сталину, берет его правую руку. Но врача так трясёт, что он все время роняет руку вождя, и, смертельно бледный, продолжает отсчёт снова и снова. Сталин поднимает вверх левую руку. Он будто указывает в ту сторону, куда раньше так упорно смотрел. Все, как замороженные, смот-

рят в пустоту, надеясь разглядеть какой-то знак или хоть что-то, что могло приковать столь пристальное внимание генералиссимуса. Слышен шёпот свиты: «Куда он показывает?» - «На что он указывает?» - «Ничего не вижу!» - «А я вижу» - «Что?» - «Сам присмотрись». - «Не вижу! Расстреляю своего окулиста, падлу».

Шёпот охранников: «Врачи подонки, даже глазные!» — «Глазные особенно, они ведь на зоркость влияют» — «В том числе на политическую».

Кто-то из свиты: «Кто-нибудь заткните охрану!»

В этот момент появляется ещё один Сталин. Его никто не замечает.

Сталин. Ха. Указывал. Никуда я не указывал. Я хотел схватить за глотку — их всех, по очереди; моё сердце сдавила жалость, что я так и не успел сделать — их всех, по очереди — мёртвыми.

А потом мне стало плевать. (Рука первого Сталина опускается.)

Похолодели ноги, до колена, я хотел приказать, чтоб их укрыли одеялом. Но язык не слушал меня. Я даже рот открыть не сумел.

Даже. Не сумел. Открыть. Рот. Меня поразило, что сразу похолодели два сросшихся пальца на правой ноге. Значит, закончилось

чудо. Даже в Сибири, в ссылке, в жуткие холода, когда все тело обращалось в едва дышащий, едва колышущийся на ветру кусок

льда, эти два маленьких героя не мёрзли. Никогда! Не поддава-

лись они холоду и в зимнем Петрограде, и в крещенские морозы в Москве. Нигде! А тут, на тёплой даче — прекрасный у меня источник, как долго я их перебирал! — на тёплой даче, в начале весны, пальцы первыми дали предательский сигнал: «Нам холодно! Укутай нас!» Значит, чудо закончилось. *(Закуривает, садится, со злым весельем смотрит на суету вокруг своего тела.)* Теперь-то можно. *(Пауза.)* И — никого. Даже Ильич, который посещал мои видения регулярно, не пожелал прийти в предсмертные галлюцинации...

Над сценой раздаётся грандиозный хриплый кашель.

Хрущёв. Будьте здоровы, господин президент!

Сталин *(в гневе)*. Следуйте тексту!

В зале оживление.

Первый врач. Мы должны...

Второй врач *(перебивает первого)*. ...Поставить товарищу Сталину пиявки.

Первый врач. По восемь...

Второй врач. ...За каждое ухо...

Приступают. Валя рыдает все сильнее.

Сталин. По восемь за каждое ухо... Пиявки приступили к работе во благо партии и народа. Мне лучше не становилось, а шестнадцать крохотных уродцев, восемь за левым ухом и восемь за правым, наливались моей кровью на глазах соратников. И вот мы с товарищами любимеся друг на друга, и я слышу запах их страха

— они боятся меня, друг друга, самих себя. Они растеряны, подобно актёрам, которых выпустили на сцену, но текста не дали. Что же делать? Вдруг промолчим слишком длинно? А если заговорим неуместно? Все может принести смерть — и слово, и молчание...

Вдруг останавливается. Решительно подходит к Человеку из министерства, играющему врача.

Сталин. Нам продолжать? Президент не закончил обедать?

Человек из министерства. По... По моим расчётам... Если, если исходить из моего опыта... Сейчас подают десерт. Надо продолжать. Нам дадут сигнал.

Сталин отходит от человека из министерства.

Сцена четвертая. «Усики выращивает нам на радость».

Появляется Ленин.

Ленин. Пламенный колхидец! Чудесный грузин!

Сталин. Владимир Ильич! Я ждал! Здравствуйте?

Ленин. Здоровья нам друг другу желать глуповато.

Сталин. Потому что поздновато?

Ленин. Мне-то уж точно. А вы ещё...

Сталин (*трогает свой пульс*). Вроде жив пока.

Ленин (*указывает на группу соратников вокруг тела Сталина*).

Когда пульс прервётся, они вас ко мне подложат...

Сталин. Подложат?

Ленин. Все веселее будет, а то у меня там скука смертная... Ходят, пьются и молчат... Тишина жуткая, нерушимая, три года назад муха залетела, как я был рад ей! Я бы стоя её поприветствовал, если бы мог. Но её убили, а мавзолей на время охоты закрыли. Лейтенант и два майора гонялись за крылатой тварью, как три циркача, я девять дней потом эту чудесную сцену вспоминал, и посмеивался, но тайно. Вот так... Правда, усы кололи нижнюю губу, меня же почти не бреют. Все восхищаются — ах, у него растут усики, ах, тридцать лет как мёртв, а усики нам на радость выращивает, уж не воскреснуть ли намеревается наш любимый, наш родной?..

Слышен глухой удар.

Берия (*шипит, трясясь от гнева*). Вы что натворили? Вы уронили зубы товарища Сталина!

Первый врач. Нам нужно было опустошить полость...

Второй врач. Он не нарочно, он от благоговения...

Первый врач. Что значит — он? Это ты уронил...

Второй врач. Я сам себя, что ли, локтем толкнул?

Первый врач. У меня никогда не было локтей...

Второй врач. Что ты несёшь? А!.. Так хочешь получить мою кафедру?

Первый врач падает на колени.

Первый врач. Он бредит. Мы искупим.

Второй врач падает на колени.

Второй врач. Я брежу. Мы искупим.

Берия. Под трибунал пойдёте! Оба!

Сталин и Ленин хохочут, правда, Сталин хохочет с горечью.

Сталин. Выростили зубы товарища Сталина... Стремясь опустошить полость... Да, это посильней Фауста...

Ленин. А вы не представляли, что однажды подле меня ляжете?

Что у нас впереди — совместная вечность?

Сталин. Бывало... Когда приходил в Мавзолей... Это же бессмертие?

Ленин. Паршивенькое... Но уж какое есть. А какие будут к нам очереди! Коммунисты Таиланда, Франции, Бангладеша, Германии... Со всего мира потянется могучий коммунистический поток, а мы будем лежать рядом, и тииииихо, тииииихо так разговаривать... У меня там есть кое-какие забавы, я покажу...

Сталин. Забавы?

Ленин. Покажу!

Сталин. А если смерть меня не примет? Если оставит тут лежать годами? Оставит **им** на посмешище, **им** на поругание!..

Ленин. На этот счёт не расстраивайтесь. Вы умрёте на рассвете.

Гарантирую. *(Протягивает ему бритвенные приборы.)* А пока...

Вы... Чувствуете мою просьбу? *(Сталин принимает приборы и*

начинает подравнивать Ленину усы и бороду.) Да! Великолепно!

Как тогда, в октябре семнадцатого!.. Чтобы я мог наконец смеять-

ся и не колотья! Да! И сбоку, сбоку... Без широких жестов! Действуйте как тогда...

Сталин. Перед вашим выдающимся, историческим выступлением!

Ленин. Вы тогда превосходно подровняли мне бороду и усы! Я знал, кому поручить. (*Косится на слишком размашисто гуляющий бритвенный нож.*) Вы бреете или дирижируете?

Сталин. Тогда было трудно добраться до Смольного, я еле успел, чтобы вас постричь да побрить... Помните, как в то время открыли доступ к царским винным складам, и стали спиваться все, даже пожарные? Тогда по вашему приказу разбили все бутылки и бочки, и люди лакали вино и водку прямо из канав... Перед тем как совершить историческое обривание вождя мирового пролетариата, я проезжал мимо Зимнего и видел, как мужики и даже бабы пьют из луж новый революционный напиток...

Ленин (*хохочет*). Грязь со спиртом? А почему именно такие образы ваша память сохранила? О том великом времени? Проспиртованная грязь... Почему?

Сталин. А ваша?

Ленин. Эй! Осторожней, колхидец! Тогда, в семнадцатом, вы были почтительней... Жилку не трогайте! Она уже тридцать лет не бьётся, а вы все равно не трогайте!..

Хрущёв (*Берши*). Вы усилили охрану? Сюда не проникнет посторонний?

Берия. Ты взволнован, Никита, потому такие глупости спрашиваешь. Ничего. Мы все сейчас себя не контролируем.

Сталин. Но ведь кто-то же из них убил меня? Кому-то это удалось?

Берия (*вдруг не выдерживает и восклицает*). Как же мы теперь без него? Есть у кого-нибудь платок... Я в спешке ничего не взял, совсем ничего...

Хрущёв подходит к нему, даёт платок и кладёт руку на плечо.

Вдруг сам начинает плакать, к нему присоединяется Берия. Они делят один платок на двоих.

Ленин (*показывая стоящему рядом с ним Сталину на лежащего Сталина*). Слышите? Вдох-выдох, вдох-выдох — и пауза. Предвестие Чейн-Стокса... Вашего последнего дыхания.

Вдруг человек из министерства снимает докторский халат и бросает его на пол.

Человек из министерства. Десерт окончен!

Сталин. Значит, президент...

Человек из министерства. Ушёл! Ушёл...

Пауза.

Сталин (*неуверенно*): Тогда мы... Всё?

Человек из министерства. Конечно! Конечно, конечно вы всё... (*Чуть ли не убегает со сцены.*)

Сталин (*в зал*). Спасибо за внимание, спасибо, что пришли... Мы завершаем превью... Ждём на премьере через три недели...

Сцена пятая. «Десерт почти нетронутым остался...»

Публика расходится. За стол на сцене садятся Вольдемар в одежде и гриме Сталина, в гриме остаются актёры, играющие Ленина, Берию и Хрущёва. Рядом с ними Валентина.

Ленин. Публика хорошо принимала...

Хрущёв. А главный зритель? *(Берия пожимает плечами.)* Чей это был осуждающий кашель, а? Прогромыхал над сценой и растаял...

Берия. Так не бывает, Никита.

Валентина. Вольдемар Аркадьевич, звонили из вашего музея...

Сталин. Ну?

Валентина. Просят костюм, в котором вы сейчас выступали. Хотят положить под витрину и написать: в этом костюме в первый раз в роли Сталина...

Сталин. Чего торопятся? Не открыли ещё мой музей-то. На юбилей мой открываем, до этого ещё год. Глядишь, с такими нервами и не дотяну...

Валентина *(всплёскивает руками)*. Не говорите так!

Ленин. Не надо волноваться, гражданочка.

Валентина. Ах, вы ничего, ничего не понимаете...

Сталин. Выйди из роли. Прямо сейчас выйди. Вот. А в музее, где ордена мои и грамоты, не забудут написать: «Вольдемар Аркадьевич к наградам относился иронически»?

Валентина. Уже написали, я видела табличку. Я должна вам напомнить про сегодняшний день. Расписание у нас такое...

В глубине сцены появляется Человек из министерства. Он исполнен печали. Валентина не замечает его.

Валентина. Сегодня вечером на Малой сцене творческая встреча с актёром, который играл под вашим руководством двадцать лет назад; на Новой сцене творческая встреча с артистом, который играл под вашим началом тридцать лет назад. Вам придётся быстро перемещаться из зала в зал, мы закупили для этого машину, знаете, удобные такие, ездят в аэропортах, внутри, мы её украсили цветами и афишами... По пути вам придётся открыть в фойе фотовыставку, посвящённую вашему творчеству с первых театральных шагов и до сего дня... *(Вольдемар Аркадьевич прикладывает палец к губам, Валентина замолкает).*

Сталин. Не томите нас.

Человек из министерства молча протягивает телеграмму Вольдемару Аркадьевичу, тот передаёт Валентине. Она зачитывает.

Валентина. От министра. Прежнюю мою телеграмму считать недействительной. В архив театра телеграмму не сдавать. Уничтожить в присутствии сотрудника Минкульта.

Хрущёв. Господи...

Человек из министерства. Уничтожить надо прямо сейчас.

Сталин. Что, сжигать? А спектакль наш? Тоже сжигать?

Человек из министерства. На сей счёт указаний не имею. Где...

Валентина разыскивает прежнюю телеграмму, смотрит на режиссёра, тот кивает, она кладёт бумагу в пепельницу, поджигает. Человек из министерства собирает пепел в пакетик и прячет в карман. Собирается уходить.

Сталин. Постойте. Мы же...

Ленин. Если отозвана телеграмма, как нам понимать ход дальнейших событий...

Берия. Хотелось бы ясности.

Человек из министерства приближается, шепчет.

Человек из министерства. Вот я сказал там, при всех. Я сказал, что президент доел десерт. Это я вас пощадил.

Хрущёв. Господи...

Человек из министерства. На самом деле он не стал доедать.

Корзинка сладкая. С малиной. Почти нетронутая осталась.

Пауза.

Ленин. Как нам это понимать, товарищ?

Человек из министерства. Ладно. Проясню. Я могу быть уверен, что все, здесь сказанное, здесь же и погибнет?

Валентина. Зачем такие слова...

Сталин. Погибнет.

Человек из министерства. Министр культуры подошёл к президенту. Тот был расстроен. (*пауза*)

Сталин. Ну же!.. Простите.

Человек из министерства. Это нехорошо, сказал президент, что ваш герой умирает. Не надо смерти.

Сталин. А что же надо?

Человек из министерства. Да, вот именно так, не жалея себя, спросил министр.

Сталин. И?

Человек из министерства. Рождение надо.

Берия. Что, вот прямо с акушерками, в роддоме? Маленького Ста...

Сталин. Шутки, Лаврентий, оставь для лучших времён.

Человек из министерства (*внушительно*). Не надо смерти. Расстроился президент. И юмора не надо, фарса. Не время сейчас. Он сказал: «Ступайте вглубь».

Хрущёв. Господи...

Человек из министерства. Я вам завидую, честно говоря.

Сталин. Что?

Человек из министерства. Потому что президент обычно молчит. Или так говорит, что надо догадываться, голову ломать. А ради вас он столько слов сказал, и все понятно. Все министры позавидовали нашему министру.

Сталин. Что он ещё сказал? Очень прошу, не надо больше пауз. У моих артистов больные сердца.

Валентина. У Вольдемара Аркадьевича тоже...

Сталин. Не обо мне речь.

Человек из министерства (*торжественно*). Министр, рискуя собой ради вас, сказал президенту: в обществе нет консенсуса по поводу отца народов. Кто-то проклинает, кто-то прославляет. Общество накалено и разобщено. Господин президент, мы хотим знать: как мы относимся к Сталину?

Сталин. Ну а он?

Хрущёв. Господи, а он?

Человек из министерства. Долго молчал.

Сталин. А потом?

Человек из министерства. Потом высморкался.

Сталин. Ну а потом?

Человек из министерства. У человека, сказал он, не случайно есть два глаза. Не случайно два, а не один.

Пауза.

Сталин. Все-таки решили довести артистов до сердечного приступа?

Человек из министерства. Потому одним глазом надо видеть тирана и палача, а другим — великого строителя государства. Министр спросил... Ей-богу, поставьте свечку за его здоровье, так он за вас сегодня сражался!

Сталин. Поставим! Все поставим! Умоляю — дальше!..

Человек из министерства. Министр спросил: значит, следует воспринимать Сталина как палача-героя? Президент снова высморкался. Тогда министр подытожил... Знаете, я сейчас рассказываю, и сам не верю... Наш министр человек героического склада, вот что я вам скажу. Он подытожил — значит, общественный консенсус будем налаживать на таких основаниях: тиран-строитель и палач-герой? И президент выразительно посмотрел на него. Обоими глазами, Вольдемар Аркадьевич. Обоими глазами.
Человек из министерства удаляется.

Берия. Если следовать правилам конспирации, надо сжечь и новую телеграмму из министерства. Ту, которая повелевает сжечь прежнюю.

Ленин. Зачем?

Берия. Иначе будет косвенная улитка одобрения...

Сталин. Что несёшь! Какая улитка одобрения?

Берия. Я сказал: косвенная улика, подтверждающая, что министр первоначально одобрил то, что потом не одобрил президент.

Сталин. Лизоблюд ты, Лаврентий... Сжигай.

Тот подает телеграмму Валентине, и она её сжигает.

Сталин. Странно пахнут сожжённые министерские телеграммы...
Печально как-то пахнут...

Валентина (*всхлипывает*). Это запах несбывшихся надежд...

Сталин. Рождение, значит... И юмора чтоб ни-ни... В Кремле смерти нет, конечно... И смешного там ничего нет, как мы могли подумать... А премьера через три недели.

Валентина. А давайте ничего менять не станем?

Все смеются, а Вольдемар по-отцовски гладит Валентину по голове.

Сталин. А мы и не станем. Мы просто сократим.

Ленин. Да там есть что сокращать! Мысль надо довести до кристальной ясности, а потом уже выходить с ней к публике.

Берия. Честно говоря, мне внутри этой иронии некомфортно. Я вообще не понимаю — над чем мы смеёмся?

Хрущёв. Моё недоумение более глобально: я не пойму, **зачем** мы смеёмся.

Сталин (*берёт трубку, поджигает, пыхтит*). Вот также и меня сдадите, да? Как только ветерок в другую сторону подует? (*Валентине*) Человек есть наимерзейшее творение Бога.

Валентина. Записать?

Сталин. Не надо суеты. Просто запомни.

Сцена шестая. «Фарс устарел, Терентий»

Вбегает артист Владимир Кудрявцев. Он тянет за собой сопротивляющегося Терентия.

Владимир. Вольдемар Аркадьевич, вот этот хотел бежать из театра.

Сталин. Не называй драматурга «вот этот». Это, между прочим, главное лицо в театре... Как бежать?

Владимир. Ага, покинуть территорию.

Сталин. Бежать из театра? Терентий? Там, на воле, только зрители. Ты там затоскуешь. *(Актёрам.)* Зачем остановили? Пусть этот скучный человек уходит. *(Терентий направляется к выходу.)*

Только, Терентий, по контракту театр имеет право на переделку текста. Масштаб переделок, увы, там не указан. Но это ничего, ты можешь обратиться в суд. Но он, увы, случится после премьеры. Ступай, Терентий, до встречи на суде. Не со мной, меня ты больше не увидишь. Ты встретишься с моим блестящим юридическим отделом.

Терентий. Зачем вы сразу так?

Сталин. А ты, когда бежал, не думал, как меня оскорбляешь? Садись. Пока ты притворялся дезертиром, у тут нас было совещание. Серьёзное. Не подумай только, брат Терентий, что мы поддались давлению. Или какое там подозрение в твоём либеральном сердце шевелится? Просто первый прогон — он вскрывает язвы. Нарывы показывает, художественные изъяны.

Берия. Налицо изъяны.

Хрущёв. Нарывы-то налицо.

Сталин. Видишь. А это ведь негоже... (*Обходит Терентия, сидящего на стуле.*) Блестящая пьеса, Терентий! Великолепная! Но надо сократить в три раза и написать другое начало. И всё! (*Терентий порывается бежать, Хрущёв и Берия его останавливают.*) До премьеры три недели. А до них было два года работы, ожиданий, мечтаний... Терентий, ты что, предашь два года своей жизни? Ты же разумный человек. Издашь ты свою пьесу в полном виде. Я предисловие напишу. Поставишь в другом театре в полном виде — я помогу. А здесь... Как человека даровитого хочу тебя спросить: почему в пьесе столько всего есть, а сцены с мамой нету?

Терентий. С чьей?

Сталин. С мамой Сталина. Мы же не станем только этого старика публике показывать. (*Указывает на себя, Валентина вскрикивает: «Не надо так говорить!»*) Мы должны поймать тот страшный момент, когда молодой Сталин становится чудовищем. Пойдём вглубь. Ты умеешь идти вглубь? Прямо в душу чудовища, в подземелье, в подполье! Зададимся вопросом — как он стал таким? Был же славным парнем, Библию любил, маму уважал... Рождение Сталина надо показать. А ты со смерти начал. Терентий! Ты нарушаешь законы природы! Все, что я говорю — это вызов, Терентий. Это... Как сейчас говорят...

Берия. Челендж!

Сталин. Именно! Все мы сейчас видели реакцию публики. Не воспринимает она смеха. Сатира устарела, Терентий. Фарс устарел. Увы.

Терентий. Когда он устарел? Полтора часа назад?

Актёры в ужасе закрывают лица руками.

Сталин. Творческий человек должен быть дерзок. *(Актёрам.)*

Берите пример!

Валентина *(Терентию)*. Если хотите знать, господин смельчак, Вольдемар Аркадьевич на своё восьмидесятилетие запланировал такой дерзкий поступок, что вам и не снилось!

Сталин. Не надо, Валя!.. А что касается устаревания. Ты в театре, Терентий. Тут всё может устареть за одну минуту. Выше нос! Если мы увидим, что плохо дело, я первый объявлю: всё возвращаем! Ну, Терентий? *(Берии и Хрущёву.)* Я отказываюсь понимать. Творческий человек, молодой человек — чужд эксперименту? Сторонится риска?

Берия. Зону комфорта свою обожает. Это его колыбель.

Хрущёв. Его обитель.

Сталин. Всё. Я устал. Открывайте двери. Настежь. Я никого не держу и никого уговаривать не собираюсь. Кто-то ещё хочет уйти? Кого смущает психологический реализм? Попытка проникнуть в душевные бездны чудовища? Кто хочет кривляться, хихикать и прыгать по сцене, игнорируя жизнь человеческого духа? Таких я не держу. Тем более я не держу тебя, Терентий. *(Подхо-*

дит, протягивает ему для прощания руку.) Эта задача не по твоим плечам, мой милый юморист. Что ж, так бывает. Зла я не держу.

Терентий. Дайте хоть привыкнуть, вы как лавиной...

Сталин. Привыкают дома к пельменям. А ты должен сейчас сосредоточиться, и — воспарить! Только лететь совсем в другую сторону, Терентий, чем мы летели раньше! Поворачивай с Запада на Восток, Терентий! Ты слышишь? Это не денежные купюры, хотя и они, конечно. Это расправила крылья новая мечта!

Берия. Мы с Никитой слышим.

Хрущёв. Что это с Терентием?

Берия. Глухота настигла...

Хрущёв. Излечится, мы верим!

Сталин. А наш Володенька (*указывает на Владимира, обращаясь к Терентию*) проявил великолепный артистизм, когда тебя задерживал, ведь так? Ты оценил? А чутье какое? А?

Берия. Чутье чудесное!

Хрущёв. И артистизм не хуже!

Сталин (*Владимиру*). Награждаю тебя! В новой постановке будешь играть молодого Сталина! Юного Сосо!

Владимир (*задыхается от счастья*). Я... Я оправдаю! Все возложенное доверие... Целиком... Полностью!... Все надежды...

Сталин. Тихо, тихо, Володенька. Входи уже в роль. Молодой Сосо неспешен. Слова его весомы, движения несуетны. Это бу-

душий властелин, Володенька. Не надо верещать. Договорились?
(Володенька кивает. Пытается преобразиться. Вольдемар обращается к Терентию.) Вдохновись им! Вдохновись и возвращайся с текстом! Вечером жду результат.

Берия. Мы все ждём.

Хрущёв. И верим.

Берия. Талант первостепенный — справится.

Хрущёв. Ему раз плюнуть.

Сталин. Верим несомненно.

Сцена седьмая. Рождение чудовища из духа курицы

Репетиция первой сцены обновляемой пьесы. Анна Крылатая теперь играет мать Сталина, Владимир Кудрявцев — молодого Сталина. Другие актёры наблюдают.

Молодой Сталин. Скажи мне, ты здорова?

Валентина. Сосо, ты курочку помедленнее ешь...

Сталин *(Терентию)*. Гениальный текст. Просто гениальный.

Терентий. Зачем вы...

Сталин. Ты не практик. Ты писатель. Тебе и невдомёк, как много в этих фразах. Но есть мы. Скажи спасибо, что есть мы.

Терентий. Спасибо.

Сталин. Вот видишь. Всего одно спасибо — а там ирония и безнадёжность, светлая вера в меня и тяжёлое недоверие ко мне же... А это лишь одно слово, Терентий. Что смотришь так? Ох, авторы... Не понимают ничего. Напишут гениальное, как вот эти фразы, и не замечают. Напишут чепуху, и носятся с ней... Вот как ты носишься со сценами, которые мы вчера показали. Что в них особенного? Хихиканье да подмигивание. Ты посмотри, как мы сейчас твой текст наполним. Смотри на волшебство, Терентий. *(Исполнителю молодого Сталина.)* Ешь курочку, но ешь так, как это чудовище потом будет пожирать людей... Вот! Уже точнее! Воображаемые клыки! Не вижу воображаемых клыков, Володенька! Вот... Вот... Растут... О боже... Бесподобно...

Молодой Сталин *(Валентине)*. Ты здорова?

Сталин. Нет! Нет! Володенька... Спрашивай так, чтобы в этом вопросе звучало совсем иное... Это существо мечтает всех погрузить в адское пламя, Володенька! Даже мать, тем более мать, это нам известно из архивных материалов, которые добыл Терентий...

Терентий. Я не добывал...

Сталин *(обращается к Володеньке)*. Спроси её: «Ты здорова?» — так, чтобы в глубине звучало: «Когда же ты подохнешь, старая карга?»

Молодой Сталин. Когда же ты подох... Ой, прошу прощения... Ты здорова?

Сталин. Теперь получше. Но сделай так: «ты» — это первый всполох пламени, а «здоровая» — это уже рёв, рёв адского огня...

Давай, Володенька...

Молодой Сталин. Ты здорова?

Берия и Хрущёв аплодируют.

Сталин (Терентию). А это только начало. Через неделю он эту фразу скажет так, что попадёт в учебники истории театра. Валентина. Давай.

Валентина. Сосо, ты курочку помедленнее ешь...

Сталин. Валентина! Ты помнишь, что мы работаем с текстом мистическим? *(Терентию.)* Да-да, мистическим. *(Валентине.)* Это не просто фраза — «курочку поешь»... Ты уже поняла, что в твоего сына вселился бес...

Валентина: Вольдемар Аркадьевич, а когда я это поняла?

Сталин. Великолепный актёрский вопрос! Твои уроки дерзости, Терентий? Да сегодня утром и поняла. Проснулась - и поняла. И теперь ты воспринимаешь эту курочку как волшебное зелье...

Нет, не зелье... Как волшебную пищу. Потому что ты вложила в эту курочку всю свою любовь, всю свою надежду, Валентина! И ты предлагаешь сыну эту пищу в надежде, что он её съест, и бес исторгнется! И ты увидишь своего Сосо, своего любимого, своего прежнего Сосо!

Валентина. Курочку...

Сталин. Материнское отчаяние! Вкладывай больше материнского отчаяния, Валентина!

Валентина. Сосо, ты курочку помедленнее ешь...

Сталин. Раздели фразу на две части. «Сосо, ты курочку» — это отчаяние. «Помедленнее ешь» — это уже надежда. На исцеление сына, Валентина.

Валентина. Сосо, ты курочку помедленнее ешь...

Сталин. Надо ещё поработать.

Валентина. А у него *(показывает на молодого Сталина)* значит, сразу бесподобно... *(Намеревается заплакать.)*

Сталин. Твоя задача посложнее, Валентина. И она усложняется вот чем. Ты готова к усложнению задачи?

Валентина. Готова.

Сталин. Вот это «помедленнее» произнеси с обратным знаком. Понимаешь? На самом деле ты хочешь, чтобы он поскорее изгнал беса... Потому «помедленнее» в своей глубине означает «скорее, молю, скорее!». Понимаешь? Вкладывай в эту фразу диалектику, Валентина! Диалектику, Валентина!

Валентина. Сосо, ты курочку помедленнее ешь...

Сталин. Гениально!

Берия. Не слишком ли все это смело, Вольдемар Аркадьевич?

Сталин. Снова решил пошутить, Лаврентий? Так и у меня для тебя шутка заготовлена.

Берия. Отнюдь не пошутить. Я опасаясь, что в этой курице могут заподозрить орла...

Сталин. Что за чушь? А даже если так, то что?

Берия. Символ нашего государства... Сталин, получается, сжирает символ... Вольдемар Аркадьевич, я рад, что вы улыбаетесь. Но риски надо сознавать.

Сталин. Знаешь что, Лаврентий. Я не позволю никому! Никому! Вмешиваться в моё высказывание. Пусть ты прав. Но эта сцена определяет все, она даёт начало, тут мы видим, как из молодого человека начинает вылупляться монстр, чудовище... Я от этой сцены не откажусь. Ни за что. Даже если придёт полиция.

Валентина (*Берии*). Прекрасно понимаю, как бы тебе хотелось, чтобы я вообще не играла в этом спектакле.

Хрущёв. Не надо так с Лаврентием. Его подозрительность полезна. А если он совсем осатанеет — расстреляем! (*Все, кроме Сталина и Терентия, смеются.*)

Валентина. Я знаю, почему он мне мстит. Вольдемар Аркадьевич, он меня домогался. Пьяный, грязно, подло домогался.

Сталин. Лаврентий...

Берия. Клевета!

Валентина. Докажи!

Берия. Как я докажу, что чего-то не делал?!

Сталин. Блестяще. Веет сталинизмом, как мы и хотели! Лаврентий, а докажи-ка невиновность! Скорей! Скорей, пока я тебе ещё

верю. Ну же... Ну!.. Всё. Вера утрачена. Ты предатель, Лаврентий. Ты враг. Да шучу я, что вы, ей-богу. Новости у меня для вас, Лаврентий и Никита. Не то чтобы плохие. Творческие новости, а они не имеют ничего общего с моралью. Примите их с открытым актёрским сердцем. Хрущёва и Берии в новом спектакле не будет.

Валентина. Печально.

Берия. Иосиф! Я не верю...

Хрущёв. Вольдемар Аркадьевич, это трагедия.

Сталин. Понимаю.

Хрущёв. Мы так мечтали об этих ролях...

Сталин *(с грузинской интонацией)*. Театр это империя. Что такое одна маленькая актёрская судьба в сравнении с судьбой целого театра? Решение принято. Ваши таланты понадобятся в будущем. Сейчас не время. *(Молодому Сталину и Валентине.)* Итак, юный Сосо, любимая Кеке, не отвлекаемся, продолжаем. *(Хрущёву и Берии.)* А вы ступайте в зрительный зал...

Молодой Сталин. Ты здорова?

Валентина. Сосо, ты курочку помедленнее ешь...

Берия и Хрущёв уходят.

Сцена восьмая. Коршуны сталинизма и соколы либерализма

Берия и Хрущёв.

Берия. Курочку попробуй...

Хрущёв. Ты здоров?

Мрачно смеются.

Берия (*передразнивает Вольдемара Аркадьевича*). Империя в вас не нуждается, судьба театра важнее ваших судеб... Он думает, что он и есть империя? Что он и есть театр?

Хрущёв. Трагедия, трагедия...

Берия. Театр погибает, Никита. Теперь это ясно, как и то, что нам в спектакле не бывать.

Хрущёв. Как больно... Не могу поверить.

Берия. И что? Будем сидеть на премьере среди зрителей? Аплодировать и глотать слезы? Этого мы два года ждали? Страшно мне.

Хрущёв. Чего?

Берия. Мыслей моих боюсь, Никита.

Хрущёв. Озвучь.

Берия. Вольдемар толкает империю в бездну.

Хрущёв. Трагедия.

Берия. Мы с тобой, Никита, Гималаи... А эти все актёришки... Лебезят, лишь бы рольки свои сохранить.

Хрущёв. Смотреть противно.

Берия. Знаешь, как я называю стиль, в котором Вольдемар собрался работать? Он, кстати, давненько в нем уже творит. С перепугу. «Ни-богу-свечка-ни-черту-кочергизм». Или — «никакизм». Очень современный, кстати, стиль, для тех, кто хочет сохранить-

ся. Вольдемар уже делал такие спектакли, где самоустранялся. Но тут случай особый и опасный, Никита.

Хрущёв. Особый и опасный, Лаврентий.

Берия. Знаешь, что это будет за премьера? Это будет премьера выдающегося инстинкта самосохранения Вольдемара Аркадьевича. Во всем этом участвовать — противно. Гадко.

Хрущёв. Да?

Берия. Наш император обезумел. Я это увидел ещё вчера, когда начались потрясения с телеграммами. Болезнь пошла быстрее, чем я думал. Но не быстрее, чем я пишу. Я все предвидел. (*Достаёт из кармана два листа.*) Тут будет стоять и твоя подпись, Никита. И когда Вольдемар падёт, нас за собой в бездну он не утащит! Тут два... Доноса. Один — в организации антисталинские. Второй — туда, где Сталина чтут и обожают. Наш местный Сталин думает, что всех перехитрил. Думает пробежать меж струек сталинизма и антисталинизма, угодить и нашим и вашим! Выдать немоту за высказывание, испуг за объективность, страх за нейтралитет, а творческой тупик за глубокие размышления!.. Но вот эти доносики... Они изменяют оптику, сделают острее взгляд. Покажут слабые места — и сталинистам, и либералам. (*В восторге.*) На Вольдемара набросятся коршуны сталинизма и соколы либерализма! А мы в стороне будем стоять, пока они его косточки будут глотать. Стоять и нашёптывать: не больно вам, Вольдемар Аркадьевич? Кажется, вам глаза выклёвывают? Ах, уже? А что

сейчас? (*Качает головой.*) Селезёнку... Как печально... Ну? Ты со мной?

Хрущёв. Не. Я пошёл.

Берия. После всего, что мы сказали?

Хрущёв. Я только слушал, Лаврентий.

Берия. А подпись? Подпись? Ты погибнешь! Вместе с ним! Дурак, тебя же роли только что... Дурак!

Хрущёв уходит. Берия устремляется за ним.

Сцена девятая. «А может, расстрелять вас всех в столовой?»

Вольдемар Аркадьевич и Терентий.

Терентий. Я понимаю, театр — это компромисс. Я не предлагаю ставить всю пьесу, целиком, я не безумен, и понимаю, что на вас давят...

Сталин. Ты заблуждаешься, Терентий. Ты как ребёнок просто. Давят... Кто может надавить на Вольдемара? Знаешь, какого следует придерживаться принципа? Сначала думаем, потом говорим. Люди, которые делают наоборот, живут проблемно, кратко и печально.

Терентий. Хорошо! Пусть не давят.

Сталин. Да уж пусть, Терентий.

Терентий. Но не двадцать же процентов текста ставить? Хотя бы половину. Иначе уходит интонация, уходит смысл, и я перестаю

понимать, о чем вы сейчас ставите, кто такой ваш... наш Сталин, зачем мы все собрались, не понимаю... Подрожать от страха и показать всем, как мы испугались? Давно умершего правителя?

Сталин. Ты все-таки ребёнок. Это плохо. Потому что ты не ребёнок.

Терентий. Вольдемар...

Сталин. Ты знаешь, как страдает наш Никита? Он только что бился головой о доску распределения ролей. Не увидел там своей фамилии и начал биться. Пробил доску. Голову пробил. *(Достаёт бумагу и протягивает Терентию.)* Распределение ролей. В крови Никиты. Возьми.

Терентий. Зачем?

Сталин. Чтобы ты драму ощутил. Настоящую, а не умозрительную. Приступ у Никиты был, скорую вызывали. Подозрение на инсульт у него. А он все равно в театре остался. Голову платком обвязал и остался. Надеюсь, говорит, исполнить долг актёра и гражданина. Вот так, Терентий. Ты слышал, как он поёт? Напиши ему крохотную рольку, чтобы попел со сцены наш больной человек.

Терентий. Какую роль, чтобы попел...

Сталин. Где-то на внезапной лужайке неожиданный певец услаждает слух будущего диктатора... Ты лучше меня придумаешь, где можно петь, тут я тебе не советчик, тут полная твоя власть. Только спаси Никиту.

Терентий (*пожимает плечами*). Тогда и Берию спасать.

Сталин. О, нет! Берия предатель. Он в карцере сейчас.

Терентий. Что-что?

Сталин. Никита предложил! В шутку поначалу, а потом все увлеклись... Никита больше всех: обязательно, кричал, закуйте его в кандалы. (*Смеётся.*) У нас комнатка такая есть, гримёрка давно умершего актёра, не отапливаемая. Сейчас Лаврентий там прохлаждается. Вовпит. А что делать? Иначе разнесёт по городу до премьеры бог весть что. А Никиту наградить надо. Пусть поёт. Он заслужил.

Терентий. Про карцер — шутка?

Сталин. Тебе на пятом этаже ничего не нужно?

Терентий. Что мне там делать?

Сталин. Тогда шутка. (*Терентий поднимается, чтобы уйти*).

Думай о Никите, думай о нашем певце. Об актёре и гражданине думай! (*Терентий уходит, Вольдемар Аркадьевич поёт на грузинском.*) Где же ты, моя Сулико... (*Надевает на себя белый пиджак генералиссимуса, закуривает трубку.*) Кругом ослы, козлы и землеройки. И не с кем говорить. (*Входит в роль, говорит с акцентом.*) Кругом ослы, козлы и землеройки. И не с кем говорить. Я одинок, как сам Господь. Кругом предатели. Нож за спиной у каждого. Знают ли они, как тяжело быть императором? И как печально видеть вокруг себя лишь рыла. Ни одного лица. (*Появляется Ленин.*) Да, тяжела ты, кепка Ильича... (*Смеётся.*)

Ленин. Иосиф, я не могу поверить.

Сталин. Что я тебя когда-то отравил? Ты верь. Не сомневайся.

Ленин. Ты и меня снял? Ты роль! Ты роль мою...

Сталин. Историческую?

Ленин. Я ухожу.

Сталин. К сожалению, до премьеры выход из театра невозможен.

На ближайшие три недели мы все — одна большая, жуткая семья.

Ленин. Если не будет роли, зачем я здесь?

Сталин. Цементировать. Укреплять. Молчать.

Ленин. Уйду!

Сталин. Сомнения мои в твоём уходе равны моей печали.

Ленин. Какой печали? Да что с тобой?

Сталин. Сними ты лысину уже. Какой ты Ленин. Ты так, Захарка, и не надо притворяться...

Ленин. Какой я Ленин? Да никакой.

Сталин. Вот именно. Вот именно. Тут ни один не дотянул до своего героя. Я пока ещё решаю насчёт спектакля. Быть может, и тебе найдётся место. А пока ступай. Все ночуют в главном ресторане.

Ленин. Что? Ты что, серьёзно? В ресторане на пятом этаже?

Сталин. Нет. На пятый не ходи, там вопли неприятные. А ты у нас эстет. На шестом у нас главный ресторан. *(Крестится, повернувшись к иконе.)* Господи! Эти люди работают в театре десятилетиями, но так и не удосужились запомнить, что на каком находится

ся этаже. И с такими людьми, Господи, ты предлагаешь мне создавать великий спектакль? С такими людьми ты предлагаешь мне строить лучший театр в мире? Да не вернее ли их всех расстрелять в столовой? И набрать новых людей? Чистых людей? *(Поворачивается к Ленину.)* Пшёл в ресторан. Я приказал бесплатный ужин разогреть всем вашим.

Сцена десятая. «Не верьте, Вольдемар! Это монтаж!»

Ресторан. Накрыт стол. Актёры и Терентий едят в молчании.

Иногда раздаются крики Берии.

Терентий. Я пробовал его вызволить.

Ленин. Зачем?

Терентий. То есть как?

Хрущёв. Да он в восторге, что его прикрыли. А то бы натворил делов, потом бы плакал, извинялся.

Терентий. В каком восторге — он вопит.

Валентина. Достоинство-то надо сохранить.

Ленин. Да, сохраняет знатно.

Берия. О, без вины страдаю, без вины!

Пауза.

Терентий. Я, наверное, уйду.

Валентина. Так двери все закрыты.

Терентий. Вы пробовали их открыть?

Валентина. Мы знаем, что они закрыты.

Хрущёв. Указ висит.

Валентина. Я помогала составлять.

Терентий. Что происходит?

Хрущёв. Нормальный рабочий процесс, что вы, собственно, возмущаетесь. Эти авторы... Написали для меня сцену? Вам говорил Вольдемар Аркадьевич, что я должен петь? Много и обильно? Вот и пишите. Времени навалом. Вольдемар Аркадьевич распорядился, чтобы вы спали на кухне, отдельно, не то, что мы — между столами.

Терентий. Берите любого персонажа и пойте.

Хрущёв. А можно?

Терентий. Делайте что хотите. Мне уже все равно.

Берия *(за сценой)*. Вольдемар Аркадьевич! Молю! Хоть маленькую роль... Прошу прощения за помутнение... Спасибо вам за заточение...

Валентина. Вот это голос.

Берия. Я искуплю! Я осознал!

Хрущёв. Настоящий дар. Сквозь такие стены проникает!

Входит Вольдемар в полном сталинском облачении. Рядом — Берия.

Сталин. Я его простил. Он обещал мне навести порядок среди вас.

Берия. Я оправдаю.

Сталин. Знаю.

Берия. Мой первый преданности жест: вот Валентина.

Валентина. Что Валентина?

Берия. Мы все были уверены, что она любит только вас. Мы это чувство даже разделяли. А оказалось... *(Раскрывает папку.)* Мне только что прислали эти фото со второго этажа. Ребята классные, они давно хотели поработать. Я предлагаю там открыть тюрьму, надзиратели уже готовы. Уютную, с удобствами, не надо паники. Так вот: это наша Валя с гримёром. Видите... Накладывает, так сказать, грим... А это с кларнетистом... Видите... Мелодию пытаются извлечь... Эх, Валя, Валя...

Валентина. Не верьте, Вольдемар! Это монтаж! Я только вам...

Сталин *(рассматривает фото в папке)*. Роль матери из пьесы изымается. Юный Сталин в начале спектакля встречается с отцом.

Молодой Сталин. С отцом это правильнее. Тогда появится религиозный оттенок, на мой взгляд. Бунт против отца в высоком смысле. Не фрейдистском.

Сталин *(обнимает Берию)*. И этот отец — перед вами. Терентий, не бледней, там и менять-то ничего не надо. Род женский на мужской...

Берия. Сменю. Проблема нулевая.

Сталин. А потому что текст универсальный. Великий текст. Читаю и рыдаю. У всех вино в бокалах?

Валентина. Вольдемар! Вы шутите про роль?

Сталин. Нет больше Вольдемара. Распустились. Гримёры, кларнетисты... Где ты кларнетиста тут нашла? Кто из вас играет на кларнете?

Берия. Выясним немедля.

Терентий (*встаёт*). Всё! Всё! Снимите фамилию с афиш! Ставьте мой полный текст или снимайте мою фамилию с афиш... (*Убегает.*)

Сталин: Вы хоть знаете, как его фамилия? И я не помню. Тоже мне событие. Снять то, чего нет. (*Кричит вслед.*) Снимем, снимем, пропадай пропадом, идиот. Тупая бездарность. Такой текст любой из нас напишет. Да хоть ты, Никита.

Хрущёв. А можно...

Сталин. Вот именно. Текст, где ты будешь петь — садись и пиши, у тебя вся ночь.

Берия. А как Терентий выйдет, если двери заперты?

Сталин. Мне все равно. Он человек погибший. Он эмигрант. Он отщепенец. (*Берия что-то шепчет ему на ухо.*) Нет, не верю... (*Грозит пальцем.*) Лаврентий! Все роли хочешь сыграть? Жадность — это плохо. Давай, извинись перед всеми. Нехорошо сейчас мне в ухо шептал.

Берия. Простите меня, дорогие. Это не со зла, это от какого-то восторга. Вот чувствую — несёт, несёт, несёт... (*Вдруг начинает петь большевистскую песню. Вступает Никита, в его пении*

слышны религиозные ноты. Вдруг в молитвенных славословиях возникает имя Вольдемар, потом Иосиф, потом снова Вольдемар. Режиссёр становится на стол. Все актёры поют настоящую церковную молитву во славу Иосифа.)

Сталин. А было! Было и прекрасное в пьесе тупицы! Вот там, в финале... Помните... Когда вы просите друг друга расстрелять... А ну-ка!

Актёры начинают по очереди выкрикивать:

Товарищ Сталин!

Мы просим!

Мы требуем!

Повысить квоты на расстрелы!

В Кирове — на восемьсот человек!

В Новосибирске — на две тысячи!

В Ленинграде на полторы!

Государственная необходимость!

Государственная необходимость!

Государство нуждается в трупах!

Ему нужны заключённые.

И мёртвые.

В Хабаровске - на пятьсот человек!

В Горьком - на тысячу!

Товарищ Сталин!

Просим!

Требуем!

Повысить квоты!

Миллионы, окружённые холодом.

Миллионы, смешанные со снегом.

Миллионы, сожранные тьмой.

Просим!

Требуем!

Умоляем!

Репрессии необходимы! Время такое!

И что за повышенный интерес именно к репрессиям?

Не надо истерики!

Политика её не терпит!

Мы что, в войне не победили?

Мы что, не победили пространство?

Не заселили людьми непригодные для жизни территории?

Мы что, не проложили дороги туда, где раньше стояли лишь
леса?

Где раньше жили только звери?

Мы что, не создали на глазах изумлённого мира великое и страш-
ное государство?

Миллионы, окружённые холодом.

Миллионы, смешанные со снегом.

Миллионы, сожранные тьмой.

Не надо истерики!

Заткни им рты величием государства!

Человек - ничто, государство - всё.

Человек - ничто, государство - всё.

Человек - ничто, государство - всё.

Сталин. За наш театр!

Все. За наш театр!

Сцена одиннадцатая. «Не надо охать, господа»

Появляется человек из министерства.

Человек из министерства. Меня не пропускали! Пришлось охрану вызывать. Потом подмогу для охраны. У вас тут прямо крепость.

Сталин. Выпьете, мой друг?

Человек из министерства. А почему же нет. *(Выпивает.)*

Знаете... Оказалось, мне не очень точно передали слова президента. Так бывает. Не надо охать, господа. Все от этого страдают, не вы первые, не вы последние.

Ленин. Господи...

Человек из министерства. Я же просил! Понимаете, наш президент уже пилотировал сверхзвуковой самолёт, взмывая в небеса, опускался на батискафе в мрачные глубины океана...

Валентина. Я видела. Бесподобно.

Человек из министерства. ...Играл на рояле в Большом зале Консерватории.

Хрущёв. Гениально играл. Мы ему подпевали тогда у телевизора.

Берия. Помню как сейчас!

Человек из министерства. А вчера утром мечтательно так сказал: «Как было бы прекрасно, если бы Вольдемар Аркадьевич позволил мне поставить этот спектакль. У меня неоценимый опыт: кому же, как не мне?» Нальёте? Вольдемар Аркадьевич? Нальёте?

FINITA.

О ПЬЕСЕ.

«Как мы хоронили Иосифа Виссарионовича»

Пьеса о гибкости и бессмертии

Сегодня стало очевидно, что слухи о смерти Сталина сильно преувеличены. Бюсты Иосифа Джугашвили устанавливают в городах и посёлках, его

портретами «украшают» автобусы, несут их на демонстрациях, рисуют на иконах, печатают на коробках шоколадных конфет, а недавно было объявлено о выпуске сырокопченой колбасы «Заветы Сталина».

Пьеса «Как мы хоронили Иосифа Виссарионовича» позволяет проследить, какими путями в душе современного человека прорастает сталинизм. Отвечая на такой вопрос, невозможно оставаться исключительно в зоне серьёзности. Поэтому текст не только актуальный и жуткий, но и очень смешной.

Сюжет: в одном крупном российском театре решают поставить смелый спектакль о Сталине. Роли распределены, декорации установлены, назначен предпремьерный показ для СМИ. Но так случилось, что одним из зрителей оказался президент РФ. Он заявляет: «Любопытно глянуть, как там моего предшественника показать собираются»...

Это пьеса о преступной пластичности человеческой психики, о готовности в определенных условиях воспроизвести самые опасные практики тоталитарного прошлого, которое никуда не ушло: оно овладевает настоящим и намеревается стать будущим. В пьесе показано, как легко человек становится тираном и как послушно окружение позволяет ему таковым стать.

Трагифарс был написан в начале 2019 года и опубликован на портале Сноб. О нём писала одна из самых авторитетных немецкоязычных газет — швейцарская *Neue Zürcher Zeitung*, а немецкое общенациональное радио *Deutschlandfunk* открыло сюжетом о пьесе выпуск новостей.

Первая публичная читка состоялась в Театре.Дос 4 июля 2019 года. Главные роли исполнили Максим Суханов и Юлия Ауг.

Онлайн трансляцию читки организовал сайт МБХ-медиа.

О сценической читке в Театре.Дос писали журнал Театр, Собеседник, Театрал и другие СМИ; на "Эхе Москвы" вышла программа, посвященная этому событию.

Пьеса переведена на английский, польский и иврит.